

Европейское направление геополитического проекта России: работа над ошибками

(Часть II)

Многие наши друзья уверяют, что им больше всего нравится зима. Потому что все иначе. Можно в свое удовольствие кататься на лыжах и на коньках. Радоваться бесподобной голубизне неба. И краше городов, укутанных в кружевные Оренбургские шали свежеснежавшего снега, ничего нет. Или ранняя осень - «очей очарование», в «багрец и золото» одетая страна. Или лето. Когда народ вокруг отдохнувший. Загорелый. И кроме как об отпуске, никто ни о чем не думает.

Но мы-то знаем, что по-настоящему все любят только весну. Потому что это время колдовства - все оттаивает не только в природе, но и в нас самих. Время надежд - всё снова становится возможным, и дурманящие голову ароматы и половодье красок разлиты не только вокруг, но и буйствуют у нас в душе. Время, когда всё можно вернуть и попробовать заново. Хочется дерзать, испытывать судьбу и в который раз доказывать себе и всем остальным, что всё еще можно сделать по-другому. Лучше. Честнее. Человечнее.

И, конечно, весна - это сказка 8 марта, дарящая уникальный шанс хотя бы раз в год понять и оценить, как много умных, красивых и самоотверженных женщин, любящих и преданных, нас окружают. Проникнуться тем, какой океан вдохновения, отваги и тепла они нам дают. Выразить им, порой блистательно, порой косноязычно - не важно, не в форме счастье - как сильно мы их любим и как благодарны.

Одна из этих женщин - Европа. Последние годы на ее долю выпало немало невзгод и испытаний. Ее ругали почему зря и предъявляли к ней огромное количество всевозможных претензий. Иногда обоснованных, а иногда и не очень. Что обиднее всего, ей уделяли явно недостаточное внимание. Обделяли и цветами. И заботой. И комплиментами.

Очень бы хотелось, чтобы приход нынешней «политической весны» расставил всё по своим местам, прежде всего в отношениях между Россией и Европейским Союзом и его государствами-членами, и всем нам удалось воздать ей должное. Она этого заслуживает. Похоже, некоторые, самые первые сдвиги в этом направлении наметились. Всё отчетливее голоса в пользу восстановления диалога, разморозки сотрудничества и взаимодействия - для начала на самых востребованных направлениях - взаимной отмены или хотя бы смягчения санкций.

По-весеннему оживилось экспертное сообщество. Встречи, семинары, конференции, обсуждения следуют одни за другими почти без остановки. Получает поддержку постановка вопроса о том, что проработка мер, открывающих путь к выправлению ситуации, обладает безусловным приоритетом. Вместе с тем, его недостаточно. Надо уже сейчас думать о том, каким образом в дальнейшем от нормализации отношений перейти к формированию нормативной, институциональной и материальной базы, которая бы сделала повторение нынешней конфронтации на континенте абсолютно невозможным.

Однако для того, чтобы уверенно двигаться в данном направлении, следовало бы в предварительном порядке обстоятельно разобраться, какие установки, шаблоны, концептуальные построения, на которые мы опирались в прошлом, оказались ошибочными. Надуманными. Нереалистичными. В предыдущей части редакционной статьи подробно проанализированы те из них, которые касались подходов российского истеблишмента к системе европейских и евроатлантических организаций в целом и к таким ее главным слагаемым, как НАТО, ОБСЕ и СЕ. Продолжение статьи полностью посвящено российским, как показала практика, несколько превратным представлениям о ЕС. О том, что он из себя представляет. Как функционирует. Какие ценности отстаивает. Как и в чьих интересах взаимодействует с окружающим его миром. И с нами тоже.

Путаница в восприятии ЕС и НАТО

Сейчас в это трудно поверить, но вплоть до 2004 года, принесшего скачкообразное расширение ЕС, российская политическая элита, предпринимательские круги, а вслед за ними и дипломатия относились к переносу Евросоюзом своих границ на восток если не благожелательно, то, скорее, индифферентно. С первых лет существования России в качестве независимого самостоятельного государства было принято считать, что ЕС и его ведущие государства-члены выступают в качестве наших естественных партнеров.

Они являются носителями позитивных объединительных тенденций. Им удалось то, что до сих пор мало кому удавалось – помирить ранее враждовавшие народы. Превратить извечных врагов – французов и немцев в мотор интеграции, неразрывный тандем, совместно мощно двигающий ее вперед. Помогут с преодолением прежней вражды они и нам.

У них получилось добиться экономического процветания, высокого уровня и качества жизни, политической стабильности, сокращения преступности. Они несут это всем другим. В том числе и нашей стране. У нас схожие устремления. У нас общие ценности. Почти.

Даже авантюризму Соединенных Штатов мы можем иногда вместе противостоять. Как в случае с интервенцией США в Ирак под сфабрикованным предлогом. Тогда Москва, Париж и Берлин оказались по одну сторону баррикад. Вашингтон – по другую.

Когда российская элита начала осознавать, чем грозит ей вступление в ЕС всей когорты стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы (ЦВЕ и ЮВЕ), и ранее ориентировавшихся на Запад, но вынужденных лавировать между Брюсселем и Москвой, было уже поздно. Российская дипломатия попыталась отстоять хотя бы малость из тех интересов, которые нужно было защитить. Она вынудила министров иностранных дел стран ЕС принять совместную декларацию^[1], в которой государства-члены сулили нахождение развязок по Калининградской области, предотвращение нарушений прав русскоязычного населения в Эстонии и Латвии, сохранение доступа товаров традиционного российского экспорта на прежние рынки и т.д.^[2] Но сомнений в том, что ЕС пошел лишь на тактические уступки и в дальнейшем замотает свои обещания, по большому счету ни у кого не было. Поезд-то уже ушел.

Как много Россия теряет в результате того, что ЕС приобретает, российский истеблишмент понял лишь спустя несколько лет. В какой-то степени, когда «раздувшийся» ЕС, вопреки

фактам и общим интересам, в безоговорочной форме встал на сторону Киева в газовых спорах о его поставках и транзите, и режима Михаила Саакашвили в оценке причин войны в Закавказье. А в полной – когда конфликт на Украине и вокруг нее достиг своего апогея.

Руководство России всегда возражало против натоцентризма в европейских и мировых делах и экспансии НАТО на Восток. Оно предпринимало все, что в его силах, чтобы не допустить этого. Настаивало на соблюдении обещаний, данных первому президенту Советского Союза М.С.Горбачеву, пусть и не положенных на бумагу и не закрепленных в форме договора. Жестко указывало на то, что расширение военного блока и передислокация его военной инфраструктуры ближе к российским границам несет в себе угрозу безопасности, подрывает стратегическую стабильность и всё, что угодно.

Исходя из того, что на соблазны воздействия через конфронтацию и использование аргументов из арсенала прошлого поддаваться никак нельзя, а «сил убеждения» элементарно не хватает, по крайней мере, выторговывало солидную компенсацию или «особые отношения». Мало кто сейчас помнит или признается в этом, но, чтобы ослабить сопротивление расширению НАТО, ведущие западные лидеры обещали первому Президенту России Б.Н. Ельцину и его близкому кругу полноправное членство в G7 и ее преобразование в G8.

В качестве «утешительного приза» это было весьма весомо. Ослабленная и все еще надеющаяся на дружественные отношения Россия вступала в элитный клуб самых влиятельных держав планеты. Такое достижение демонстрировало всем, что Москве воздают по заслугам, и никакой враждебности к ней никто не испытывает.

Так что санкции в виде отстранения России от участия в G8 и ее фактическая трансформация обратно в G7 вдвойне лицемерны. У Москвы отобрали то, что остальным членам G7 никогда не принадлежало и не могло принадлежать по определению – компенсацию за первый прыжок НАТО на Восток.

Курс ЕС на расширение такого сопротивления со стороны России не встречал. Ее руководство никогда в таких формах, как в случае с НАТО, борьбу против экспансии ЕС не развертывало. Пока не пришел черед Украины.

Ответ на естественный вопрос, почему, не так прост. По необходимости он и противоречив, и многослоен. Пояснения, отчего противоречив, частично уже приведены выше. ЕС неизменно воспринимался как добропорядочный партнер, более того – дорогой друг, стратегический партнер, потенциальный союзник, с которым у нас так много общего. Вариант возможного вступления в него, вопреки всей его иллюзорности, вплоть до последнего времени до конца не отвергался.

Новые власти демократической России ориентировались на построение в стране, по возможности, в ближайшей перспективе такого же общества, как в Западной Европе. На формирование схожих государственно-правовых и политических институтов. Заимствование той модели социально-экономического развития, которая наиболее полно и последовательно была реализована костяком стран ЕС.

Политический, экономический, социальный, гуманитарный порядок, который ассоциировался с ЕС, достижения последнего идеализировались. Воспринимались как вершина на пути

сбалансированного социально-экономического развития, когда есть и социальный мир, и прогресс, а политическая стабильность органично сочетается с поступательным движением вперед. В общем, как образец для подражания.

Поэтому в чем-то мессианская, в чем-то культуртрегерская роль ЕС по «перевоспитанию» бывших социалистических стран, их трансформации, переносу в них своей модели и своего образа жизни рассматривалась, как помогающая всему континенту в масштабах Большой Европы двигаться в одном направлении. Как способствующая утверждению общих правил, критериев оценки конкретных действий и общего порядка, в который, однако, как это ни огорчительно, такая огромная, такая гигантская страна, которой всегда была и будет Россия, не очень вписывалась и вписаться не могла.

Причем не из-за половинчатости и незавершенности реформ и того антигуманного, расточительного, грабительского характера, который насаждаемый в ней капитализм сразу принял. Или не столько из-за этого. А вследствие того, что всей своей историей, менталитетом, величием, впечатанным в генотип нации, Россия претендовала на близкую или аналогичную роль. Такая дихотомия ЕС и его государствами-членами безусловно отвергалась. Они считали ее абсолютно недопустимой и неприемлемой.

Новый же российский истеблишмент своим западноевропейским партнерам верил на слово. Заслушивался трелями о добрых намерениях. Соглашался с тем, что все процессы, поддерживаемые ими в общественно-политическом и социально-экономическом развитии наших бывших союзников, за исключением, может быть, прямой дискриминации русскоязычного населения, во благо. Как в интересах стран ЦВЕ и ЮВЕ и его населения, так и России.

Ведь Москва – как раз в этом отношении никто не кривил душой – конечно же, заинтересована не меньше их в том, чтобы у этих стран получилось. Чтобы они были успешными. Стабильными. Процветающими. Не замечая или смиряясь с тем, что сама жизнь по новым правилам и, наверное, не только она одна проводит в этих странах опасную и однобокую селекцию политиков и государственных деятелей, делающих карьеру на враждебности к России. Предвзятости. Подозрительности. Критике всего, что в ней происходит. Нагнетании эмоций. Укоренении опасений. Создании максимально отталкивающего образа. Что в итоге получилось на славу.

Последствия были самыми негативными. Стоило ЕС завершить процедуру оформления членства большой группы государств-кандидатов на вступление, как отношения между Брюсселем и Москвой резко ухудшились^[3]. Во всех областях. Чуть ли не на порядок. Это видно хотя бы по тому, насколько негативно и с какой частотой Европейский Парламент стал откликаться на события в России, клеймя принимаемое законодательство, проводимую внутреннюю и внешнюю политику.

Ухудшение отношений произошло абсолютно по тому же самому сценарию, что и после расширения НАТО. Только в первом случае сотрудничающим сторонам и Совету Россия-НАТО ситуацию через какое-то время удалось выправить. Во втором, увы, нет.

Одна из моделей поведения, усвоенных ЕС, начала очень напоминать то, что одному из нас

еще во время учебы в школе, неоднократно приходилось наблюдать в Марьиной роще – одном из наиболее проблемных районов Москвы того времени. Тамошняя шпана очень любила разыгрывать такой спектакль. Навстречу одинокому прохожему, желателю интеллигентному, хорошо одетому и, судя по внешности, при деньгах, выскакивала пара ребятшек. Обычно совсем маленьких, хилых и тщедушных. Они принимались приставать к нему, задирать, оскорблять, лезть в драку. Никакой нормальный прохожий такого выдержать не мог и отвечивал хулиганью несколько увесистых оплеух. Моментально из-за деревьев или из подворотни появлялась группа здоровенных бугаев, которые объясняли папаше, что бить детей нехорошо, не по-советски, и что за это бывает. Проводя тут же наглядный ликбез. Итог подобной встречи был всегда один и тот же. Получив хорошую порцию тумачков, прохожий с радостью расставался с кошельком, режее, когда наличности не было, с ценными предметами своего гардероба.

Вспомним, вследствие чего Москва и Брюссель почти на два года задержались с началом переговоров по многострадальному новому базовому договору, призванному заменить морально устаревшее Соглашение о партнерстве и сотрудничестве 1994 г. (СПС), вступившее в силу в 1997 г., и проложить путь к дальнейшему сближению. В конце 2005 г. президент России В.В.Путин договаривается с тогдашним премьер-министром Великобритании Тони Блэром о том, что такую работу надо запускать, не дожидаясь истечения срока действия СПС, заключенного на 10 лет. Проводится серия значимых экспертных встреч. МИД России и Европейская Комиссия формализуют принципы, которые должны будут лечь в основу нового базового договора, и ЕК запрашивает у Совета ЕС мандат на проведение соответствующих переговоров.

Однако между Варшавой и Москвой вспыхивает скандал в связи с введенным российскими ведомствами запретом на импорт мяса из Польши и требованием допустить российские проверяющие инстанции на польские предприятия. Москва настаивала на том, что под видом польского в страну ввозится мясо со всего света, и хотела покончить с такой практикой. Варшава уверяла, что обвинения голословны. Ни на чем не основаны. Политически мотивированы. Запрет надо незамедлительно снять. Российским же проверяющим инстанциям нечего делать на польских предприятиях. Достаточно того, что все соответствует правилам ЕС. Чтобы надавить на Москву и добиться своего, Варшава поднимает конфликт на высший политический уровень. Интернационализирует его. Блокирует принятие решения Советом ЕС о проведении переговоров с Россией по СПС-II. Надолго. Только в апреле 2007 г. Варшава и Европейская Комиссия признают факт нарушений и соглашаются с российской схемой их устранения[4].

Сколько времени было потеряно! Будь правила игры, установившиеся в Европе, несколько иными – более честными, здоровыми и справедливыми, Польша никогда бы не пошла на подобное раздувание конфликта с Россией. Не стала бы разыгрывать российскую карту в отношениях с ЕС. Спекулировать на том, что за ее спиной находится вся мощь интеграционного объединения, на которую она всегда может опереться. А ЕС не был бы вынужден солидаризироваться с Варшавой и, якобы или по факту, идти у нее на поводу, очевидно вредя и себе, и нам, и российско-есовским связям.

И дело не только в конъюнктурных потерях. Кто знает, может быть, начни Россия и ЕС

переговоры по новому базовому договору тогда, когда они намеревались, нам удалось бы своевременно подвести под двусторонние отношения более прочную основу. Обзавестись более действенными институтами и инструментами двустороннего сотрудничества и взаимодействия. Придумать механизмы, купирующие негативные тенденции. Сблизиться чуть больше. Тогда не было бы ни медленного, тягучего, безысходного сползания к конфронтации. Ни Украины. Ни нынешней пока что катастрофической ситуации в Европе и Евразии.

Российским властям всегда было очень трудно разобраться с тем, что из себя в действительности представляет ЕС. Осознать, насколько далеко зашла реализация интеграционного проекта. Уловить, в какой степени ведущие государства-члены самостоятельны, а когда связаны мнением других. Расширение и последний этап подготовки к нему раскрыли глаза на то, что вхождение в ЕС некогда независимых государств ЦВЕ и ЮВЕ все меняет в Европе. Коренным образом. Что в отличие от их вступления в НАТО, оно радикально рвет общеевропейское пространство. Связку между двумя большими половинками Европы.

Членство в НАТО затрагивало весьма ограниченную сферу военной деятельности и следование единой позиции по международной проблематике. Не более того. Членство в ЕС касалось всего. Без исключения. Всех сторон жизни и существования государств. Разница принципиальная. Судьбоносная. Когда ни один по-настоящему важный вопрос тет-а-тет с отдельной столицей или столицами не решить. Надо договариваться со всеми «двадцатью восемью». И еще с брюссельской бюрократией.

Задача каждый раз архитрудная. Но такова реальность. И исправлять нынешнюю ситуацию в российско-есовских отношениях и создавать в будущем новые механизмы взаимодействия, более эффективные, нежели не оправдавшие себя в прошлом, придется исходя из этого.

Свобода экономической деятельности в условиях интеграции для своих

Такие красивые звучные слова, как «общий рынок», «единый рынок», «европейское экономическое пространство», ласкают слух. Поднимают настроение. На уровне здравого смысла вселяют надежду в нерезидентов, будто бы в их распоряжении находится огромный, открытый для них рынок, готовый встретить их с распростертыми объятиями. Будто бы, выходя на него, они обладают всеми теми же возможностями, что и национальные компании государств-членов ЕС.

Заблуждение, сродни тем, которые бытуют в отношении Шенгена. Он ассоциируется со свободой передвижения. Напрасно. Это для граждан ЕС снятие внутренних границ носит абсолютный характер и касается всего. Для иностранцев речь идет лишь о туристических поездках ограниченной продолжительности. Попадая в любую из стран Шенгена, ты получаешь право путешествовать и по всем остальным. Но шенгенская виза не дает права ни учиться, ни стажироваться, ни работать, ни приглашать к себе родственников или кого-то еще. Все это регулируется иными правилами. Поэтому превращение безвизового режима с середины 2000-х годов в камень преткновения в отношениях между Россией и ЕС служит еще одним подтверждением того, насколько деформированный характер они приняли.

Только с включением во внутренний рынок ЕС территорий стран ЦВЕ и ЮВЕ, которые были сравнительно хорошо освоены российским бизнесом, традиционно обладавшим на них сильными позициями, для российской политической и предпринимательской элиты стало очевидным, то, о чем заблаговременно предупреждали экономисты. Интеграция в том виде, какой ей придал ЕС, является административным захватом рынков и/или его оформлением. Внутренние границы для движения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы снимаются, но не ликвидируются, а переносятся и усиливают собой внешние границы.

Хозяйствующим субъектам третьих стран работать на внутреннем рынке ЕС, т.е. во всех странах интеграционного объединения и в первую очередь, в пределах вновь вступивших государств, становится не легче и удобнее, как утверждают евробюрократы и подыгрывающее им экспертное сообщество, а намного сложнее. Заградительных препятствий на пути их проникновения на интегрированный рынок ЕС возникает неизмеримо больше.

Напомним: зона свободной торговли – это когда произведенное на территории любого из ее участников свободно реализуется на территории всех остальных. Таможенный союз – когда также и законно ввезенное в любую из них с территории третьих стран. Общий рынок – принципиально иной колленкор. Это когда произведенное в одном из государств-членов интеграционного объединения имеет статус произведенного всеми ими, иначе говоря, не нуждается в дополнительных проверках качества, разрешениях и сертификациях, а все хозяйствующие субъекты рассматриваются как национальные. В то время как, например, в случае с внешними банками и другими финансовыми учреждениями, нужно каждый раз полностью проходить сверхсложную процедуру получения разрешений на соответствующие виды деятельности или получать европейский паспорт, который зато все сразу меняет.

То есть, включение в интеграционное объединение новых стран открывает их экономику для компаний первоначальных государств-членов, будто консервную банку. Защитные препоны устраниваются. Протекционистские меры, введенные ранее далеко не случайно, отменяются. Но только в отношении этого ограниченного круга компаний. В отношении всех остальных они продолжают действовать. Хозяйствующие субъекты старых государств-членов – это просто мечта – получают возможность вести себя на новых рынках, которые приносят им их правительства «на блюдечке с голубой каемочкой», как у себя дома.

Естественно, что уже в силу этого они оказываются в привилегированном положении по сравнению со своими конкурентами из третьих стран, в нашем случае – с российскими предприятиями того же профиля. Но зеркально это означает, что по сравнению с ними внешние хозяйствующие субъекты на рынках, присоединенных к интеграционному объединению, оказываются в положении дискриминируемых. Они ни при каких обстоятельствах не могут пользоваться всем объемом прав, признаваемых за своими, которыми в одночасье наделяются все компании ЕС.

И это касается всего. С вами работают те же консалтинговые и юридические фирмы, без них к регуляторам не пробиться – исключено, что и со своими, но иначе. А чужие консалтинговые и юридические фирмы вообще не пускают. Вы имеете дело уже теперь не просто с национальными регуляторами и контролирующими инстанциями, а с гибридными: постоянно советуясь с «вышестоящими» наднациональными структурами, обеспечивающими проверку и единообразие практики. Вы вынуждены осуществлять все коммерческие и

производственные операции в непонятной многослойной юридической среде.

Эта среда состоит из национального и наднационального права в постоянно меняющихся пропорциях. Вроде бы, она продолжает оставаться национальной, поскольку национальный законодатель трудится столь же активно и продуктивно, как и раньше. Практика формируется национальными правоприменительными органами. Наднациональное законодательство зачастую предписывает государствам лишь достижение определенного результата, оставляя на их усмотрение, каким образом.

Вместе с тем, массив наднационального законодательства становится все более необъятным и диверсифицированным, а ведь право ЕС, в случае его коллизии с национальной нормой права, пользуется преимущественной силой. Оно должно применяться при любых обстоятельствах. В этих хитросплетениях хозяйствующие субъекты государств-членов по определению разбираются лучше, чем внешние. Им проще приспособливаться к ним и пользоваться теми выгодами, которые они дают. Местный бизнес налажен, в том числе через ассоциации предпринимателей, они предупреждают о готовящихся регулятивных изменениях и разъясняют, что это будет значить. Им предоставлена возможность повлиять на них, пролоббировать свои интересы - какие-то моменты усилить, какие-то, напротив, ослабить и скорректировать. Извне это сделать нереально. Нужно находиться внутри.

Характерный эпизод российско-есовских отношений. Российских авиаперевозчиков предупредили, что такой-то директивой ЕС вводятся уточненные требования (технические стандарты) к авиадвигателям по шумам. На 10 лет устанавливается адаптационный период. Российские компании должны были бы знать сами, но они, само собой, запросили указания от своего профильного министерства (Минтранса). Оно ответило (упрощаем), что директива носит рекомендательный характер, и никого ни к чему не обязывает. В результате все в России вместо того, чтобы принять необходимые меры, продолжали придерживаться старой стратегии деятельности и развития. Директивой же - стандартным законодательным актом ЕС предусматривалось, что по прошествии переходного периода самолеты, оснащенные слишком «грязными» двигателями, больше не будут приниматься аэропортами стран ЕС.

Когда гром грянул, российские перевозчики, использующие большой парк авиалайнеров старого образца, попали в жуткое положение. Российская авиапромышленность - в еще худшее. По их собственному недосмотру они оказались частично выкинутыми с рынка. Последовали долгие мучительные переговоры на высоком межгосударственном уровне между Москвой и Брюсселем, в результате которых удалось лишь несколько продлить переходный период для российских компаний в отношении определенных видов деятельности. Эпизод далеко не единственный. Пример из другой области - с не меньшими сложностями столкнулись российские экспортеры после того, как ЕС одобрил очень жесткую директиву с требованиями по всем химическим веществам, реализуемым на внутреннем рынке интеграционного объединения. Но, пожалуй, наиболее показательный.

Такова общая ситуация, с которой столкнулся российский бизнес, нуждающийся в большом европейском рынке для производства и сбыта своих изделий и услуг. Жаждающий свободного доступа на него. Надеющийся на то, что ему не будут мешать конкурировать на нем на равных со всеми остальными. Адаптироваться, не потеряв своих национальных корней, своей идентичности, не отказавшись от них, невероятно сложно. Даже по прошествии многих лет.

Один из недавних примеров. Многопрофильная финансово-промышленная группа «Альфа» открыла, начиная с 2013 г., в ведущих финансовых центрах ЕС инвестиционные фонды с использованием нового бренда «LetterOne»^[5] и попыталась выгодно вложить деньги, полученные от продажи своей доли в многомиллиардной энергетической компании ТНК-БП. Ее интересовало, в том числе, приобретение лотов на эксплуатацию нефте- и газоносных пластов в Северном море, выставленных на продажу. После странных, по всей видимости, дорогостоящих переговоров, вызвавших значительный ажиотаж в прессе, англичане на правительственном уровне сделку зарубили^[6]. Не по политическим мотивам, ни в коем случае, а с учетом неприемлемо высоких рисков для потенциальных английских компаньонов компании. В итоге Альфа-групп была вынуждена поменять свои планы и со второй половины 2015 г. сосредоточиться на приобретении перспективных месторождений на Норвежском шельфе^[7].

В том, что присоединение к интеграционному объединению новых территорий сродни «огораживанию» (использовалось на этапе перехода от феодализма к капиталистическому способу производства для отъема факторов производства), российский бизнес разобрался с большим опозданием. А вот то, что их ждут неприятности и их будут «выпроваживать» с привычных для них рынков десятками разных способов, российские компании усвоили гораздо быстрее. Против некоторых из них они попытались восстать заранее. Апеллировали к своему родному государству. Но принципиально что-то изменить не смогли.

Скажем, импорт из России изделий такой-то номенклатуры квотируется. Ввести на таможенную территорию ЕС больше оговоренного объема или количества ты не можешь. В страны ЦВЕ и ЮВЕ традиционно поставлял, сколько мог продать. Механическое распространение прежней квоты на присоединяемые к ЕС страны означало, что со дня «X» их рынок для тебя грубо, волюнтаристски и незатейливо схлопывался. Совершенно не рыночными методами. Хотя вполне законно и без права оспаривания в судах. Твоя же доля просто и красиво перераспределялась между своими.

Другая группа случаев – против российских компаний, якобы для защиты рынка, введены антидемпинговые санкции. Конечно же, с оглядкой на правила ВТО. У Европейской Комиссии это получается филигранно. Процедура отработана до совершенства. Как-никак к такому оружию против нежелательных конкурентов ЕС прибегает десятилетиями. И сейчас, даже после вступления России в ВТО, несмотря на то, что многие из них должны были быть прекращены по очевидным причинам, с дюжины антидемпинговых расследований доведены до логического конца или же продолжаются. Только что заградительные пошлины введены против российского холодного проката. На очереди – против горячего.

С традиционными поставками российских производителей на рынки стран ЦВЕ и ЮВЕ все обстояло иначе. Вроде бы, им ничего не угрожало. До вступления в ЕС антидемпинговые меры ЕС на них не распространялись и не могли распространяться. Поставки осуществлялись в нормальном режиме. На взаимовыгодных началах. Но вот именно, что до оформления их членства в интеграционном объединении. Со дня «X» они сразу попадали под заградительные пошлины. Насколько предвзятыми они могут быть, указывает то, что Европейской Комиссией российским производителям вменяются в вину низкие расходы на углеводородные энергоносители, удешевляющие стоимость конечного продукта, поставляемого в ЕС. А

американским, покупающим сланцевые нефть и газ по ценам, несопоставимо более низким, чем среднеевропейские, нет. Ни в коем случае.

Еще несколько не слишком радующих поворотов сюжета. России и ЕС так и не удалось договориться о правовом режиме, регулирующем сотрудничество и торговлю в определенных областях. Но с партнерами из стран ЦВЕ и ЮВЕ российские компании прекрасно сотрудничали и торговали. Традиционно. Их вхождение в ЕС автоматически поставило соответствующие производственные и коммерческие связи под вопрос. Повлияло на атмосферу, переговорные позиции, стратегическое планирование. Сделало эти связи на порядок более рискованными.

На десерт история с ОАО «Газпром». Исторически так сложилось, что многие страны ЦВЕ и ЮВЕ более чем наполовину, а то и почти полностью покрывали свои потребности в природном газе благодаря российским поставкам. Последние осуществлялись на основе стандартных долгосрочных контрактов, практику подписания которых установили еще Германия и Франция, когда сотрудничали в создании в СССР этой отрасли экономики. Более дешевый и надежный способ пока никто не изобрел.

Нападки на долгосрочные контракты и «засилье» Газпрома в преддверии расширения приняли настолько разнузданный и обыденный характер, что Москва вынуждена была поставить свое согласие распространить действие СПС на новых членов ЕС в зависимости от подтверждения государствами-членами своего уважения к ним. Соответствующие положения были отражены в упомянутом выше Совместном заявлении министров стран ЕС и России от 27 апреля 2004 г.

Ну и что? Энергичные усилия Брюсселя подорвать действие долгосрочных контрактов, гарантирующих стабильность отрасли и российско-есовских связей, в самых разных формах и под самыми разными предложениями продолжались с неослабевающей силой. А несколько лет назад с подачи Вильнюса Европейская Комиссия довела ситуацию до абсурда, обвинив Газпром в злоупотреблении монопольным положением на рынке стран ЦВЕ и ЮВЕ, входящих в интеграционное объединение, и навязывании им несправедливой формулы расчета цен за импортируемый газ (являющейся общепринятой для всех)[\[8\]](#).

Если ко всему этому добавить зарегулированность рынков, превышение предложения над спросом, засилье бюрократии, предвзятое отношение к российскому капиталу, стремление всячески очернить его, постоянные попытки использовать к своей выгоде плохое знание им местных рыночных условий, вы получите весь «букет» прелестей, существенно отличающийся от первоначальных ожиданий молодой демократической России. Никаких обид. Выдумок. Преувеличений. Это констатация, опирающаяся на анализ многолетней устоявшейся практики.

Тем, кто надумают возразить, посоветую вспомнить, что, когда крупнейшая российская компания «ЮКОС», ныне прославляемая как образец безупречности, – представлять ее, думаю, нет необходимости – только завоевывала позиции на Западе, ее буквально мешали с грязью, вешая на нее всех собак, называя бандитской, преступной, не гнушающейся абсолютно ничем. Руководство «ЮКОСа» наняло западные юридические фирмы, хорошо, щедро заплатило им, и те пообещали хулителям разорить их миллиардными исками и предприняли для этого необходимые шаги. Очень быстро негативный фон сменился на противоположный.

Систематическое очернение компании, ее былых «подвигов» и используемых ею методов осталось в прошлом.

По всей видимости, эти моменты и многие другие хорошо было бы учесть, чтобы обеспечить российскому бизнесу достойные условия работы на внутреннем рынке ЕС, когда у Москвы и Брюсселя вновь появится возможность заняться воссозданием и модернизацией юридической базы экономического взаимодействия.

Образец для подражания с гнильцой

За 1990-е и 2000-е годы в обыденное сознание были намертво вколочены представления о том, что ЕС и его ведущие государства-члены являются «венцом» общественно-политического и социально-экономического развития. Самым совершенным устройством из когда-либо существовавших. Форпостом в борьбе за правовое государство, плюралистическую демократию, права человека. Расшифровка этих представлений в хорошо обкатанных и восторженных выражениях без усталости повторялась мировыми СМИ. Была вписана в учебники, по которым училась молодежь. Добросовестно тиражировалась прикипевшим к ЕС экспертным сообществом.

Не избежала влияния этих догм и новая российская политическая и предпринимательская элита. Иначе и быть не могло. Она совершила прыжок в неведомое. Свыше 70 лет в стране строили экономику, тотально отвергающую рынок, его институты, культуру и практику. У кого-то надо было учиться, как жить при рынке. По каким лекалам его строить. Что делать, чтобы органично вписаться в мировую экономику.

С первых же шагов новых российских властей, по тому, как Запад «помог» Москве с переходом к рыночной экономике и его организации, стало очевидно, что эти представления находятся в вопиющем противоречии с действительностью. Что «родимые» пятна капитализма никуда не делись. Они лишь тщательно заретушированы. Действует негласный договор: высокий уровень и качество жизни, социальные гарантии и ограниченный, но поднятый на пьедестал круг свобод в обмен на социальный мир, поддержку классических политических партий и сохранение статус-кво.

В России они проступили самым безобразным образом. Вопиющим неравенством. Бесстыдным перераспределением национальных богатств, созданных всем миром, в руки меньшинства и их утечкой за кордон. Осуществлением экономического курса, мало связанного с реальными потребностями тружеников. Созданием институтов власти, лишь условно действующих от имени электората и по мандату избирателей. Неспособностью сосредоточить усилия общества на решении важнейших долгосрочных задач развития. Безбрежной коррупцией. Вседозволенностью. Манипулированием общественным сознанием.

Однако разочарование в опыте трансформации общества, в тех принципах и постулатах, на которых оно строится и которым должно соответствовать, в том, что в итоге получилось, не коснулось ЕС и западноевропейской модели политического и социально-экономического развития, избранных в качестве образца. Они по-прежнему оставались светочем. «Священной коровой». Ориентиром для целеполагания. Над ними реял своего рода нимб. Восторжествовало

предположение о том, что не рецепты плохи как таковые, а лишь их воплощение в реальную жизнь в российском исполнении.

В диалоге с западными партнерами российские эксперты, дипломаты и политики пытались увещевать их, объяснить, казалось бы, элементарные вещи. Что общество не стоит на месте. Оно постоянно меняется. Как в одну, так и в другую сторону. Демократия, ценности, права человека – всегда баланс. Он особенно изменчив. Их нужно постоянно переосмысливать. Есть базовые вещи, включая религиозные заповеди, от которых нельзя отступать. В остальном для каждой эпохи, для каждой фазы эволюции общества, для каждого поколения они разные. Как и вызовы, с которыми мы сталкиваемся. Будь то борьба с международным терроризмом или потеплением климата, а равно угрозы, генерируемые технологическим прогрессом.

За демократию, ценности, права человека каждый раз нужно сражаться заново. Иначе потери неминуемы. Страшные. Болезненные. Порой невозвратимые. Из одного центра, думая за всех, решая за всех, общие нормы поведения и единые стандарты устанавливать нельзя. Необходимы равноправное сотрудничество. Сотворчество. Объединение рисков и солидарная ответственность.

Но до партнеров это не доходило. Снести пьедестал, который они установили своей исключительности и непогрешимости, не получилось. Он и сейчас на месте. Вопреки неоспоримым фактам. После всего того, что мы совместно пережили. Это сквозит на каждой встрече с нашими западными партнерами. Попытки вернуть собеседников из выдуманного ими мира обратно в реальный вызывают лишь яростное негодование и огульное неприятие.

Первый глобальный финансово-экономический кризис наполнил новым содержанием крылатую шекспировскую фразу «неладно что-то в Датском королевстве». Кризис вызрел сначала в недрах США и ЕС, затем распространился по всему миру, неся лишения и разорение миллионам людей. Заставляя усомниться в постулатах, перечисленных в вводном абзаце к подразделу. Кризис суверенной задолженности, пережитый впоследствии интеграционным объединением, добавил им значительную долю относительности. Леваки и популисты разных мастей заспорили даже о том, что они втоптаны в грязь. Полностью дискредитированы. Лопнули как мыльный пузырь.

Говорить так было бы явным преувеличением. Тем не менее, отстаивать их, как раньше, на голубом глазу, как любили делать наши собеседники, представляющие западный истеблишмент, сделалось неблагодарной задачей. Нельзя же отрицать, что не сами кризисы (хотя относительно причин их возникновения тоже есть много вопросов), а то, каким образом правящие элиты предпочли выходить из них, привело к тому, что миллионы несчастных пополнили армию безработных. Молодежь на несколько лет лишилась перспективы. Широкие слои населения вновь охватил страх перед будущим. Государство повсеместно принялось избавляться от обременительных социальных программ и выплат, частично ломая главное достижение Запада, как еще недавно было принято думать, – общество всеобщего благоденствия. Его инфраструктура стремительно начала ветшать. Подняли голову крайне правые, экстремисты и националисты, заставившие классические политические партии принять их повестку дня. Повсеместно пошло наступление на, казалось бы, незыблемые права и свободы личности и ассоциаций, которые принесены в жертву экономической конкурентоспособности, безопасности и нуждам полицейского государства, нарождающегося

на наших глазах. От свободы выражать свое мнение до права на личную жизнь.

Настаивать в этих условиях на том, что мы безгрешны. Мы образец для подражания. Все должны нам следовать. Правильно – так, как мы считаем, и никак иначе. У нас все так, а у вас все не так. Наше призвание – по-прежнему всех учить. Уверять, что представления, популярные в 1990-х и 2000-х годах, интегрально сохраняют свою достоверность и жизненность, что пытаются делать наши партнеры, просто нечестно и некрасиво.

С точки зрения целеполагания, ЕС и входящие в него страны, несомненно, остаются правовым сообществом и правовыми государствами. Принимаемые решения они облачают в форму права и реализуют в качестве правовых установлений. С девиациями борются не покладая рук. Всем физическим и юридическим лицам дают необходимые инструменты отстаивать свои интересы, основанные на праве, и восстанавливать его нарушения. Однако практика все дальше отходит от целеполагания. Слишком уж большое количество решений, наложивших в последние годы заметный отпечаток на функционирование общества, было принято волюнтаристски. Без оглядки на право. Вопреки мнению электората. С полным пренебрежением к экономическим законам и требованиям экономической целесообразности.

Правовой основой ЕС, первичным правом интеграционного объединения, которому текущее законодательство не должно противоречить, являются Договор о ЕС (ДЕС) и Договор о функционировании ЕС (ДФЕС). Они действуют в редакции Лиссабонского договора. Но за исключением части положений, наделявших интеграционное объединение атрибутикой супергосударства, и тех, в отношении которых консенсус был разорван, Лиссабонский договор повторяет проект Конституции ЕС. Он был подготовлен чрезвычайно репрезентативным Конвентом в составе представителей всех институтов ЕС и государств-членов, утвержден Европейским Советом и ратифицирован большинством государств-членов, однако провален на референдумах во Франции и Нидерландах.

Чтобы не рисковать Лиссабонским договором, правящие элиты ЕС пошли, если называть вещи своими именами, на прямой обман. Они не стали выносить его на повторные референдумы. Мнение народа, высказанное ранее, по факту откровенно проигнорировали. Одобрение Договора, особенно не рекламируя, по понятным причинам, провели через национальные парламенты. Таким образом, получается, что в настоящее время вся европейская конструкция зиждется на подлоге. Грустно, но с уверениями о безусловной приверженности господству права и битьем себя в грудь по каждому поводу и без повода интеграционное строительство, ведущееся подобными методами, как-то не очень вяжется.

Для выхода из кризиса суверенной задолженности ЕС и его государства-члены прибегли к осуществлению политики жесткой экономии. Ее социальные последствия оказались катастрофическими. Конечно, к ее проведению никто никого не принуждал, упаси Бог. Все государства-члены сделали свой выбор исключительно добровольно, хотя население пострадавших от нее стран почему-то придерживается иного мнения. Необходимые решения на уровне ЕС были приняты единогласно.

Но фокус заключается в том, что в ее основу были положены ложные эконометрические расчеты, несостоятельные экономические модели, надуманные концептуальные предположения, первоначально провозглашенные истиной в последней инстанции. В

специальной литературе они были подвергнуты сокрушительной уничижительной критике. От них камня на камне не оставили такие нобелевские лауреаты в области экономики, как Джозеф Стиглиц и Пол Кругман. С особым рвением их пропагандировал и навязывал всем Международный валютный фонд. Однако через несколько лет перед лицом неопровержимых доказательств он вынужден был их полностью дезавуировать. Последовал дикий международный скандал. Как водится, его вскоре замяли. Но не в этом дело.

Если следовать нормальной политической логике, экономической целесообразности и требованиям правового государства, Брюссель и Берлин должны были бы незамедлительно признать допущенные ошибки, освободиться от проталкивавших их, вопреки всему, политических лидеров и внести в проводимый курс необходимые коррективы. Однако ЕС и его государства-члены еще пару лет цеплялись за все ту же политику жесткой экономии, настаивали на соблюдении, как выяснилось, с потолка взятых показателей, оформленных в договорные и законодательные предписания, и делали вид, будто так и должно быть. Может быть – только сейчас весь мир, не только ЕС, пожинает ее плоды. Они сказываются на более чем скромных темпах роста мировой экономики и в чем-то объясняют всплески активности ЕС на международной арене, которых, по большому счету, лучше было бы избежать.

Таких примеров можно было бы привести несчетное множество. Чтобы снять с себя ответственность, политики, под прикрытием все той же саги о приверженности правовому государству, вину за первый глобальный финансово-экономический кризис искусно переложили на банки и банкиров. Быстренько согласовали и ввели в действие множество законодательных актов, предписывающих им то-то и то-то и еще множество всего. В итоге довели ситуацию до абсурда, когда банки все аккумулируемые ими средства вынуждены были направить на выполнение предписанных им требований и внутреннюю санацию, вместо того, чтобы вкладывать их в реальный сектор экономики, – еще одно из слагаемых негативных тенденций в мировой экономике.

Американцы всю эту регулятивную импровизацию отменили сразу же, как только большинство в Конгрессе перешло от демократов к республиканцам. Есовцы корректируют медленно и осторожно, опасаясь резких движений, поскольку для них банковский сектор значит намного больше, чем для «Старшего брата». И под прикрытием формирования общего рынка капиталов, который, в принципе, уже давно создан, но так и не сумел заработать в многонациональном формате и обеспечить равный доступ к средствам заимствования не только в центре, но и на периферии ЕС. Ограничимся еще лишь парой примеров, имеющих на этот раз непосредственное влияние на систему отношений между Россией и ЕС

У ЕС под рукой есть мощнейший нефтегазовый сектор России, который вполне может покрыть большую часть импортных потребностей в энергоносителях как всего интеграционного объединения, так и всех входящих в него государств. Германия и Франция его для того и помогали создавать в 1970-1980-х годах. Однако вместо того, чтобы поставить во главу угла своей энергетической безопасности особые отношения с Москвой, что гарантировало бы и надежность поставок, и приемлемые цены (ничего другого есовской концепцией энергетической безопасности не предусматривается), Брюссель предпочел ставку на всемерное снижение зависимости от Москвы. В результате он довел отношения с Россией до полноформатной конфронтации и разбазарил сотни млрд евро на субсидирование

использования гораздо более дорогостоящих альтернативных источников энергии, вместо того чтобы бросить их на создание современной конкурентоспособной экономики, основанной на знаниях. Разработал и внедрил Третий энергопакет и целую систему связанных с ним законодательных актов. Они упраздняют вертикально интегрированные компании, типа Газпрома (которые прекрасно продолжают действовать в автомобилестроении, авиастроении и т.д.). Сформировал рынок энергоносителей по англо-американскому образцу, наплевав на то, что он ни при каких обстоятельствах не сможет нормально функционировать в условиях, когда внутренних поставщиков (в отличие от США и Великобритании) почти нет, и их появление в обозримом будущем не предвидится. И в итоге нанес страшный удар по конкурентоспособности и своей собственной, и российской экономики. Во имя чего - никто из наших партнеров в ЕС так и не в состоянии объяснить^[9].

Россию, Кремль, российское общество нещадно бичуют за чудовищную коррупцию. За терпимость к ней. Попустительство. Недостаточную настойчивость в борьбе с ней. Зачастую заслуженно. С коррупцией необходимо бороться всеми доступными законными способами. Искоренять ее дено и ношно. Добиваться системного действия предпринимаемых мер, чтобы, в конце концов, избавиться от этого тяжелого бремени, лежащего на нашем обществе. Сбросить свинцовые гири, тянущие национальную экономику вниз. Лишающие конкурентоспособности. Убивающие будущее. Это бесспорно.

Но не надо лицемерить, размахивая знаменами правового государства, демократии и прав человека. По подсчетам Европейской Комиссии и Евростата, совокупный объем незаконных выплат и перевода средств, подпадающих под определение коррупции, в посткризисный период достиг в регионе ЕС примерно 200 млрд евро в пересчете на год. Информация об этом ненадолго попала в мировые СМИ и тут же исчезла. Чтобы не портить имидж. Так удобнее. Теневой сектор экономики, по их же данным, с которым в ЕС раньше, вроде бы, покончили, разросся от страны к стране до 20-30% ВВП, а то и более.

Вплоть до начала 2010-х западное общественное мнение вполне терпимо относилось к офшорам, закрывая глаза на их аморальный характер. Ведь и много лет назад было хорошо известно: оптимизация налогообложения и прямой уход от налогов означают, что карманы набиваются за счет других. В том числе, за счет всех тех не слишком состоятельных людей, которые сидят на социальных выплатах и дотациях. За счет пенсионеров. Инвалидов. Матерей-одиночек. Безработных. Работников государственного сектора. За счет страны в целом. Если бы не уклонение от налогообложения, государственная казна, из которой черпаются средства на эти выплаты, была бы на порядок полнее. Национальная экономика обладала бы большей устойчивостью. Государство имело бы возможность активно инвестировать, увлекая за собой в новые перспективные проекты и строительство новой экономики частный бизнес.

Однако десятилетиями никто из богатых и влиятельных стран не препятствовал своим гражданам и компаниям пользоваться услугами офшоров. Некоторые покровительствовали им. Имели их в своей юрисдикции, как Великобритания. Вообще прятали у себя капиталы нерезидентов на уровне государственной политики. Для многих финансовых рынков - Швейцарии, Сингапура, Гонконга и др. это был вполне законный и очень прибыльный бизнес. Еще со второй половины 1990-х Россия призывала всех запретить офшоры. На панъевропейской встрече министров внутренних дел С.В.Степашин, которого тогда какое-то

время прочили в преемники Б.Н.Ельцина на посту президента страны, предложил поставить соответствующее требование на голосование. Этот пассаж итоговой декларации был заветирован европейскими мини-государствами. А крупные лишь развели руками.

Для частного капитала офшоры всегда были манной небесной. Вполне законно прятать от налогообложения, доходящего в некоторых странах, как сейчас во Франции, до заоблачного уровня, – что может быть более умным, рациональным и выгодным. Такую возможность упускают только лохи. Ими никто быть не хотел.

И только глобальный кризис заставил лидеров капиталистического мира взглянуть на офшоры другими глазами – как на кровоточащую рану, лишаящую бюджетных средств, когда они так нужны. Сначала США приняли внутреннее законодательство, обязывающее все страны и их банки, под угрозой отлучения от американского рынка, в автоматическом режиме предоставлять информацию о счетах и ценных бумагах американских граждан – знаменитая ФАТКА. Вслед за ними гранды ЕС дожали всех остальных и заставили перейти к тотальному обмену банковской информацией. Аналогичные рекомендации приняли ОЭСР и G20.

Параллельно гражданское общество воспыало праведным гневом против «уклонистов». Оно стало требовать предать офшоры анафеме. Объявить их вне закона. Заставить транснациональные корпорации и всех «несунов» платить налоги у себя дома и в полном объеме.

Этот эпизод из нашей общей недавней истории еще раз подтверждает справедливость тезиса о том, что современное общество постоянно находится в движении. В поисках нового прочтения старых истин. В раздумьях о том, как заново выстроить баланс интересов между обществом и личностью. Государством и бизнесом. Своими и чужими. Совершенство всегда иллюзорно. Претензии тщетны. Напыщенность смешна. Прежний баланс, некогда с таким рвением нахваливаемый, та практика, на которую все ориентировались, сейчас отброшены. Как аморальные и незаконные. Устанавливаются новые. Вот одна из возможных платформ для равноправного диалога между Россией и ЕС и его государствами-членами. Совместного разбора ошибок. Переоценки ценностей. Сотворчества. Выработки единых подходов на основе вклада каждого.

Под сходным углом зрения можно взглянуть еще на одну историю такого же типа, касающуюся на этот раз соглашений между государством и частными фирмами об индивидуальном налогообложении (налоговых рулингов). Практика их заключения насчитывает десятилетия. К ней в Европе в той или иной мере прибегали самые разные страны, привлекательные для бизнеса в плане политической стабильности и экономической устойчивости. В том числе Нидерланды, Бельгия, многие другие. Сейчас делать это будет сложнее.

Суть сделки – министерство финансов или какой-то другой уполномоченный орган в ответ на запрос иностранной компании, приступающей к изучению перспективы переноса части своего бизнеса в страну «У», сообщает, что с нее будет взиматься мизерный налог. Это помогает ТНК принять «правильное» решение, и она учреждает в стране «У» к финансовой выгоде последней, получающей новый источник доходов, свою штаб-квартиру. Открывает филиал. Создает подразделения.

Индивидуальный режим налогообложения, которым она пользуется в стране «У», получается намного более выгодным, чем в странах, где сосредоточен основной объем ее деятельности. Если так, она проводит большую часть отчетности через страну «У». Показывает там основную часть прибыли. Производит выплату дивидендов и т.д. В итоге такие гиганты мирового рынка, как «Амазон», «Микрософт», «Кока-Кола», «Гугл», «Старбакс» и сотни, тысячи других платят неизмеримо, на порядок меньше, чем они должны были бы.

Вплоть до недавнего времени до этой устоявшейся практики, вполне законной и общепринятой, никому дела не было. Вообще все делали вид, что ничего не знают. Что преобразование Лихтенштейна из беднейшей в Европе страны коз и пастухов в богатейшее государство и многие другие превращения – вполне в порядке вещей. Может быть, все бы так и продолжалось еще какое-то время, но ведущим державам мира потребовались деньги для латания бюджетных дыр. Эти деньги мог бы дать бизнес, если бы платил налоги по основному месту своей деятельности или пропорционально ее объему.

Моментально прежние методы налоговой оптимизации, которые и раньше, скорее, смахивали на мошенничество, но таковыми не считались, были провозглашены мерзкими. Аморальными. Недопустимыми. Одиозными, т.е. требующими незамедлительного принятия мер, направленных на их криминализацию и пресечение. Роль Робин Гуда в разоблачении государств и ТНК, наживающихся на поощрении и использовании соглашений об индивидуальном налогообложении, взял на себя Международный консорциум журналистов-расследователей. 5 ноября 2014 г., по результатам длительной скрытной работы сотрудников чуть ли не всех ведущих мировых изданий, он опубликовал обширный обстоятельно документированный доклад[10].

Его основой послужили копии конфиденциальных документов, которые предоставил ему бывший работник крупнейшей консалтинговой фирмы «ПрайсвотерхаусКуперс», занимавшейся юридическим оформлением договоренностей между бизнесом и государством. В нем Консорциум пригвоздил к «позорному столбу» для начала Люксембург и порядка 350 пригретых им корпораций. Кстати, в их число попали девять российских. На следующий год разоблачения продолжились.

Молниеносно в хорошо скоординированную кампанию включились «Монд», «Файнэншл таймс», все ведущие немецкие СМИ и многие другие[11]. Параллельно Европейская Комиссия обвинила ряд крупнейших ТНК в нарушении законодательства о добросовестной конкуренции. По ее мнению, они получали в скрытом виде субсидии от соответствующих государств. Уличенным в нарушении корпорациям было предписано вернуть противоправно сэкономленные суммы.

Настолько мощная шумиха не могла остаться без последствий[12]. ЕС заявил о том, что сделает все «налоговые сделки» абсолютно прозрачными. Европейская Комиссия в рекордные сроки разработала директиву об автоматическом обмене конфиденциальной информацией по всем случаям налоговых рулингов. Люксембург, к которому на вторую половину 2015 г. перешло председательство в Совете ЕС, чтобы отвести от себя все обвинения, быстро провел ее согласование и обеспечил приоритетное прохождение через все межправительственные и наднациональные инстанции интеграционного объединения. Европарламент создал специальную комиссию, дабы не остаться в стороне от столь громкого

скандала. Отдельные страны ЕС внесли уточнения в национальное законодательство. Корпорации, понимающие толк в поддержании надлежащих связей с общественностью, заверили, что отказываются от способов налоговой оптимизации, отвергаемых общественностью. Более того, они продолжили создание и укрепление внутренних управленческих структур со специфическим мандатом следить за моральной стороной бизнеса.

Все эти сдвиги в общественном сознании, в деонтологии предпринимательства, регулятивной среде, в понимании того, что хорошо и что плохо, имеют большое значение для Российской Федерации. Почему, зная, как и в каких масштабах деньги утекают из стран, надеемся, можно не объяснять. Предыдущие практики ведения бизнеса, которые нам были «проданы» нашими западными партнерами на пороге 1990-х под брендом правового капиталистического государства со многим другим, что входило в есовскую политическую и социально-экономическую модель, сейчас дружно отвергаются. Называются недостойными и аморальными. О некоторых других, еще более отталкивающих, просто не хочется писать.

Если мы серьезно настроены на санацию национальной экономики и повышение деловой и инвестиционной привлекательности страны, этим нужно активно пользоваться в своих интересах. Если наши партнеры из ЕС и его государств-членов в будущем действительно настроятся на конструктивный и равноправный диалог, им придется расписаться в допущенных ранее просчетах и многочисленных традициях сомнительного свойства и признать, что совершенствовать все можно только вместе и в общих интересах.

Другие разочарования

В настоящее время ЕС сталкивается с огромным количеством проблем. Один лишь миграционный кризис, вызывающий такие ожесточенные споры в обществе, чего стоит. Их обилие вынудило многих политиков и экспертов констатировать, что интеграционное объединение переживает системный кризис. По их мнению, он носит настолько острый характер, что угрожает его дальнейшему существованию.

Для России поражение ЕС в борьбе с ним стало бы не менее тяжким крушением. Да, отношения между нами и ЕС испорчены сейчас до невозможности. Несовершенства ЕС, его внутренние противоречия, которые еще недавно казались трудно различимыми, выпирают во все стороны. И тем не менее, та идеальная модель развития общества, которую строили ЕС и его государства-члены, и которая в каких-то своих проявлениях почти получилась, остаются для нас ориентиром. Если она сломается, то и столь вдохновляющий ориентир исчезнет.

При создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС) мы использовали многие рецепты, почерпнутые из опыта ЕС. Их тоже придется переосмысливать. ЕС остается для нас крупнейшим рынком сбыта нашей экспортной продукции. Важнейшим поставщиком наукоемких и других необходимых нам товаров. Стратегическим инвестором. Экспортером инноваций и новейших технологий. Лишаться всего этого, даже в небольшой степени, особенно сейчас, очень бы не хотелось.

Поэтому трезвомыслящие российские политики и эксперты, вместе с еврооптимистами, предпочитают верить, что ЕС выкарабкается. У него получится решить все свои внутренние

проблемы. Желательно, конечно, не за счет других. Он выйдет из всех передраг, как уже с десятков раз случалось в прошлом, более цельным. Окрепшим. Эффективным. Целеустремленным.

Вместе с тем, нельзя не согласиться с теми, кто утверждает, что имидж ЕС сильно потускнел. В том числе тот, которым он пользовался в России. Как казалось раньше, вполне заслуженно. В странах ЕС к интеграционному объединению перестали относиться с прежним пиететом и благодарностью. Очень большая группа его граждан, политических партий, общественных движений прекратила смотреть на то, что он делает и как функционирует, через розовые очки. Настолько большая, что в число одной из своих приоритетных задач лидеры и институты ЕС включили восстановление доверия к европейскому проекту. Европейской интеграции. Европейскому единству.

Прежде всего, ЕС перестал восприниматься в качестве союза равноправных наций. Объединения, где все делается добровольно. По всеобщему согласию. После тщательной проработки и консультаций. Как утверждают слишком много политиков и экспертов стран ЕС, это уже давно не так. Приведем их точку зрения, по возможности, обстоятельно.

Для принятия решений на уровне Европейского Совета или различными формациями Совета ЕС лишь формально требуется единогласие или квалифицированное большинство. Не только экономическую, но и политическую власть в ЕС сконцентрировала в своих руках Германия. Все делается так, как она хочет. Как считает нужным. Практически единолично.

Франко-германский тандем остался для фасада. Франция при Франсуа Олланде превратилась в «больного человека» Европы[13]. Париж слишком глубоко увяз в своих внутренних проблемах. Потерял в экономическом весе. Не в состоянии вывести свою экономику из упадка. Вынужден довольствоваться вторыми ролями (если только речь не идет о применении вооруженной силы). Даже статус крупнейшего торгового партнера Германии потерял. Он перешел к США.

Напротив, Германия, пока все мучительно переживали глобальный и последовавший за ним кризис суверенной задолженности, очень укрепила свои позиции. Совершила рывок вперед. Во всех отношениях. Ее промышленность конкурентоспособна на всех рынках. Профицит внешней торговли превышает 7% ВВП, разрешаемые Пактом стабильности. В абсолютном выражении в виду размеров немецкой экономики это гигантская цифра. Публичные финансы приведены в образцовый порядок. Сверстан бездефицитный бюджет. Правильно выстроены отношения между работниками и работодателями. Исключена ситуация, когда прибавка к зарплате опережала бы рост производительности труда. Из крупнейших стран ЕС только Германия сохранила высший кредитный рейтинг AAA.

Ее экономическая мощь настолько возросла, что в экономическом отношении всё в ЕС держится только на Германии. В финансовом плане все зависит от ее доброй воли. Она главный донор. Кредитор. Инвестор. Она всё. Никто в ЕС не осмеливается спорить с ней. Ей перечить. Противостоять.

Великобритания слишком далеко, и всё время позиционирует себя в качестве державы, одной ногой стоящей вне ЕС. Социалисты во Франции, придя к власти, было, попробовали, но сразу одумались. Италия, Испания, Польша на чем-то настаивают обычно лишь для того, чтобы что-

то выторговать у Берлина. Остальные либо слишком плотно включены в орбиту Германии, либо слишком маленькие.

Если президенту США Бараку Обаме о чем-то нужно договориться с ЕС, он звонит не в Брюссель, а канцлеру Германии Ангеле Меркель. Премьер-министр Великобритании Дэвид Камерон такой чести больше не удостоивается. Президент России В.В.Путин в отношениях с ЕС тоже сделал ставку почти исключительно на Германию. И Китай свои торговые споры, которые в принципе находятся в ведении Европейской Комиссии, предпочитает решать с Берлином и через него.

А в отношении Германии у всех или, по крайней мер, большинства государств-членов ЕС есть опасения, что она «не созрела» до роли единоличного лидера интеграционного объединения. Что такая роль ей не по плечу (если за ней вообще можно ее признать). Подозрения, уходящие своими корнями в историю, отбрасываем. Германия, как они полагают, систематически ставит свои национальные интересы или то, что она за них принимает, над общим интересом. Над интересами остальных. Отдает им приоритет.

Именно Берлин навязал всем в ЕС политику жесткой экономии в том топорном, тираническом и жесточайшем виде, которое приняло ее исполнение. Только на том основании, что она до этого сработала в самой Германии. Дала прекрасный результат. Обеспечила ее устойчивость по отношению к внешним шокам.

Даже когда стали очевидны колоссальные издержки такого курса, Берлин безоговорочно настаивал на его продолжении. Несмотря на то, что правительства в странах ЕС начали падать одно за другим. Повсеместно подняли голову крайне правые силы. Малые и средние предприятия закрывались десятками тысяч. На улицу оказались выкинуты миллионы. Страх и разочарование среди населения вытеснили все остальные чувства. А суверенная задолженность, которую была призвана сбить политика жесткой экономии, продолжала расти. Многие страны ЕС в своем развитии были отброшены на много лет назад.

Выражая состояние умов того времени, нынешний председатель Европейской Комиссии разъяснял (не раз лично слышали его комментарии), что плоха не политика жесткой экономии как таковая, за которую горой стоит Германия – реформы необходимо проводить в любом случае. Это не обсуждается. Самоубийственно осуществлять ее всем вместе одновременно в одно и то же время, поскольку это бьет по активности частного бизнеса. На этапе реформ предприниматели особенно нуждаются в рынках сбыта и росте спроса – а они сжимаются. К тому же затягивание поясов не может быть единственным приоритетом. Оно в императивном порядке должно быть дополнено программами создания рабочих мест и стимулирования роста и инвестиций. За их осуществление он и взялся, заняв пост одного из лидеров ЕС.

Именно Германия несет львиную долю ответственности за миграционный кризис, в тисках которого бьется ЕС, считает весомая часть политической элиты и экспертного сообщества государств-членов[14]. Заверив беженцев в готовности принимать их, Ангела Меркель непреднамеренно спровоцировала «нашествие» в ЕС не только беженцев, но и нелегальных мигрантов со всего Большого Ближнего Востока и Северной Африки. Заняв столь неосторожную позицию, она ни с кем из партнеров по ЕС предварительно не посоветовалась. Как и потом, когда предпочла поставить коллег по ЕС перед свершившимся фактом

закулисных договоренностей с Анкарой[15].

Члены Вишеградской группы, например, изначально были против политики «открытых дверей» ЕС в какой бы то ни было форме. С распределением беженцев между странами ЕС в соответствии с заранее утвержденными квотами они вообще категорически не согласились. Соответствующее решение Совета ЕС им навязали в принудительном порядке, прибегнув к голосованию по столь деликатному вопросу.

Теперь миграционный кризис приходится «расхлебывать» всем миром. С колоссальными политическими, социальными, имиджевыми потерями. Меняя Шенген и разрабатывая новую миграционную политику буквально на ходу. Получая на руки проблему адаптации и социализации вновь прибывших, к решению которой общество во многом не готово. Которую она, весьма возможно, будет переваривать еще очень долго. С неизвестным исходом.

И в кризисе евро виновата в первую очередь Германия, утверждает, в том числе, по итогам журналистского расследования на страницах «Файнэншл таймс». Когда выяснилось, в какой финансово-экономической яме находится Греция, для ее спасения достаточно было порядка 40 млрд евро. Берлин предпочел в первую очередь вывести из-под удара свои собственные банки. Сделать не то, что необходимо, а то, что требуется, дабы помочь им избежать потерь.

Промедление с принятием решения вызвало эффект домино, железным катком прошедшимся по экономикам периферии ЕС. Оно стоило Ирландии, Португалии, Испании, другим государствам-членам и всему ЕС в целом каких-то сумасшедших сумм. На программы помощи одной лишь Греции в итоге уже брошено и предусмотрено порядка 300 млрд евро. К тому же все отдают себе отчет, что до конца кризис евро так и не преодолен, а Греции придется уделять повышенное финансовое внимание еще долго.

Невероятные истории с Кипром и Грецией и антагонизация России тоже в значительной степени на совести Германии. Чтобы поддержать Кипр, даже если его руководство и политика так не нравились Берлину, достаточно было мизерной по нынешним временам суммы в 10-12 млрд евро. Может быть, чуть больше. Брюссель и Франкфурт под давлением Берлина предпочли организовать на Кипре полномасштабный кризис и, пользуясь беспросветной финансово-экономической зависимостью последнего от еврозоны, поставить его на колени. В результате выполнения предъявленных ему условий спасения страны, финансовый сектор Кипра сильно ужался, чего и добивался Берлин, а богатые россияне и российские компании оплатили большую часть операции. Ее медийным прикрытием послужил лозунг о том, что Германия не будет платить из своего кармана за спасение российских бандюг и коррупционеров, оккупировавших остров и хранящих на нем свои сбережения.

В отношении Афин теоретически также были возможны гораздо более щадящие Грецию сценарии[16]. Но Берлин ни при каких обстоятельствах не собирался подыгрывать пришедшим к власти там левым радикалам и популистам. Наоборот, их «публичная порка» должна была послужить уроком для всех. Никакой фронды, никакой альтернативы, никакого вольнодумства и самостоятельности внутри ЕС Берлин не допускал. Фарс по «укрощению» Афин он провел выше любых похвал. Руководство правящего большинства Греции, сформированного крайне левой партией «Сириза», само, своими собственными руками «поставило себя к стенке» и затем, окончательно запутав население страны, подписало капитуляцию. Чтобы избежать

финансового краха, оно обязалось выполнять навязанный ей международными кредиторами план реформ, на который не пошло бы ни одно правое или центристское правительство. Во всяком случае, не решилось в прошлом.

В конфронтации с Москвой первую скрипку также исполнил Берлин. Он стоял за брюссельскими переговорщиками, составившими соглашение об ассоциации с Украиной. Им решалась стратегическая задача, которую он поставил перед ЕС, – политически и экономически включить Украину в зону ЕС, распространив на ее территорию действие решений, в том числе законодательных, принимаемых интеграционным объединением, ничего особенно не давая взамен. Киев формально остался вне ЕС. Права голоса он не приобрел. Никаких обязательств в его отношении Брюссель на себя не взял. А с 1 января 2016 г., пусть и по истечении системы переходных периодов, Украина должна жить по правилам ЕС.

Но конфронтация с Россией общим для ЕС сценарием не предусматривалась. Именно Берлин «дал отмашку» на по-настоящему серьезные санкции против Москвы по горячим следам голословного и ничем не подтвержденного обвинения российского руководства в том, что оно стояло за теми, кто сбил малайзийский авиалайнер в небе Донбасса. За исключением небольшой группы «спойлеров», никто в ЕС возобновления «холодной войны» и войны санкций не хотел. Однако у всех руки связаны двойным узлом. С одной стороны, пресловутой политической солидарностью, которая в отношении столь судьбоносных для Европы вопросов выглядит, по крайней мере, странно. С другой – Минский процесс полностью отдан странами ЕС на откуп Берлину и Парижу. От них, т.е. от Берлина, ждут оценки ситуации в том, что касается выполнения минских договоренностей. Им передано эксклюзивное право внесения предложений, как поступать дальше.

Так что к легендам о равенстве и сбалансированности интересов в деятельности ЕС западные аналитики, внимательнейшим образом отслеживающие эволюцию интеграционного объединения, предлагают относиться с большой осторожностью. Их достоверность вызывает у них растущие сомнения. По их мнению, клише и правовые установления – одно, а реальная жизнь – несколько другое. Об этом, между прочим, убедительно говорил по касательной бывший председатель Европейской Комиссии Романо Проди на многочисленных встречах в Москве только что, в марте 2016 г.[\[17\]](#)

Для российского истеблишмента переоценка ценностей, проводимая западной политической элитой и экспертным сообществом, очень важна. И в плане внесения корректив в свое видение ЕС. И под углом зрения диалога о будущем не только двусторонних отношений, но и выстраивания, когда для этого возникнут предпосылки, равноправных взаимовыгодных связей между ЕС и ЕАЭС.

С учетом этого особенно странными и надуманными выглядят упреки, огульно бросаемые Москве в том, что она доминирует и всё определяет в ЕАЭС. Во-первых, далеко не всё. Во-вторых, хоть в какой-то степени надо быть объективными и время от времени смотреться в зеркало. В-третьих, Россия действительно вносит большой вклад в ускоренное строительство, совершенствование и функционирование ЕАЭС и несет значительную часть расходов. Но, вроде бы, это вполне естественно и логично. В-четвертых, учредительными договорами ЕАЭС предусмотрены все гарантии равенства государств-членов. Причем, похоже, даже в большей степени, нежели учредительными договорами ЕС. В-пятых, сейчас нет никаких оснований

утверждать, будто бы ЕАЭС в своей деятельности чем-либо нарушает баланс интересов между Россией и четырьмя другими государствами-членами. Если только в пользу последних.

Другой очень важный момент для нашего восприятия ЕС. Кратковременное противостояние Греции и остальной части еврозоны, которые отдельные комментаторы вписывают, скорее, в контекст отношений между Афинами и Берлином, поднимает не менее сложный вопрос о состоянии демократии в Евросоюзе.

И раньше оно вызывало серьезные нарекания. Указывалось, в частности, что народ, электорат фактически лишен возможности напрямую воздействовать на политический, экономический, социальный и любой другой курс ЕС и его практическую политику. Рычагами влияния он не обладает. Принудить ЕС к чему-либо, даже после вступления в силу Лиссабонского договора, не может. Инструменты прямой демократии не развиты. Их использование блокируется. Они существуют только на бумаге.

Выборы в Европарламент проходят, скажем деликатно, несколько странным образом. В государствах-членах к ним до сих пор относятся с недопустимо большим пренебрежением. Их результаты недостаточно репрезентативны. Между народом и институтами ЕС слишком много промежуточных звеньев. Импульсы через обилие посредников не проходят. Как на самом деле относятся в ЕС к мнению народа, показывают итоги референдумов во Франции и Нидерландах по проекту Конституции ЕС, которая вопреки им была, все равно, затем принята в слегка измененной редакции под видом Лиссабонского договора.

Руководство ЕС и государств-членов ко всем этим критическим суждениям всегда относилось очень внимательно. Оно понимало, что «дефицит демократии» и удаленность институтов ЕС и брюссельской бюрократии от народа являются реальной проблемой. Поэтому предпринимались конкретные шаги для выправления ситуации. Шла постоянная работа над расширением полномочий Европарламента и приданием ему большей легитимности. И действительно, из скорее консультативного органа он с годами превратился в полновесного законодателя ЕС, отправляющего к тому же важные контрольные функции по отношению к другим институтам ЕС.

Однако вся приведенная критика носит в какой-то степени умозрительный, более того, во многом искусственный или даже надуманный характер. Понятно же, что интеграционное объединение нельзя мерить мерками национального государства. Их природа совершенно различна. Инкриминировать интеграционному объединению то, что в нем не соблюдается принцип разделения властей или нет оппозиции, просто некорректно. Естественно, что оно должно находить компромиссные решения, принимать их и добиваться последовательного соблюдения, а не заниматься словоговорением и демагогией. Более того, обязательно тратить на это столько времени, сколько надо, в ущерб оперативности (за что недоброжелатели так бичуют ЕС), чтобы гарантировать главное, под углом зрения осуществления интеграционного проекта, - на регулярной основе обеспечивать нахождение оптимального баланса интересов и учитывать всю их несхожесть и специфичность. В какой степени это получается, вопрос уже другой.

На уровне ЕС демократия, вернее ее проекция с национального уровня, как раз и реализуется через процедуры поиска общего блага, определение путей его достижения, формирование

общего нормативного пространства и придирчивый мониторинг соблюдения согласованных правил поведения. В этих процедурах принимают участие не электорат, не избранники народа, а государства, действующие от имени всего населения, и созданные ими институты наднациональной власти.

Для целей осуществления интеграционного проекта сдержки и противовесы переносятся на межгосударственный уровень. Они, в идеале, предотвращают узурпацию власти. В то же время их миссия – не допускать майоризации отдельных его участников. Они справляются с ней, если им удастся обеспечивать на постоянной основе, чтобы общий интерес, отстаиваемый и продвигаемый интеграционным объединением, складывался из всей совокупности индивидуальных интересов в приемлемых для государств пропорциях, а потребности населения крупнейших держав не приносились в жертву абстрактному соблюдению требования формального равенства между ними.

Классическая демократия в неискаженном виде возможна лишь на национальном уровне. Поэтому и была придумана политологическая и одновременно юридическая фикция, согласно которой ЕС является демократическим сообществом в силу того, что в него входят демократические государства. Всё. Точка. А не потому что он демократически устроен.

Но классическая демократия подразумевает, что в пределах национального государства народ является источником власти. Он суверенен. Его волеизъявление – закон. Если его игнорируют, играют с ним в кошки-мышки, наконец, открыто идут против него, речь уже не о демократии. Тогда мы имеем дело с деспотией. Какой именно – мягкой и нежной или жестокой, черносотенной или просвещенной, цинично безоглядной или подчиняющейся каким-то высшим императивам – не суть важно.

До совсем недавнего времени даже сомневающиеся верили в то, что интеграционный проект в исполнении ЕС не входит в клинч с общепринятыми представлениями о классической демократии. Не противоречит ей. Не препятствует ее отправлению в устоявшихся, т.е. прежних, привычных, исторически сложившихся формах. Сломав Грецию через колено (до этого Кипр, но там все было несколько иначе), Брюссель и Берлин нанесли если не сокрушительный, то, во всяком случае, весьма болезненный удар по этим базовым предположениям. Святым. Как считалось раньше, неприкасаемым. За торжество которых столько крови было пролито. По всему миру.

Греки отказали в доверии прежнему правительству. Для того имелось предостаточно оснований, связанных с падением жизненного уровня, массовой безработицей и другими последствиями глубочайшего экономического кризиса, переживаемого страной, и неэффективностью мер, которыми с ним боролись. Однако главным образом потому, что оно проводило ненавистную народу политику жесткой экономии и безоглядно следовало на поводу у международных заимодавцев. Слепо подчинялось им. Доверив власть «Сиризе», народ дал новому премьер-министру Алексису Ципрасу и его команде мандат на проведение совершенно иной политики, альтернативной предыдущей. Потребовал отвергнуть диктат международных кредиторов. Наказал отстаивать свою самостоятельность. Потом, когда международные кредиторы, руководимые Берлином, начали душить правительство, отверг фактически предъявленный стране ультиматум и вновь подтвердил свой выбор.

Но жизнь показала, что проблема выбора стоит совершенно иначе. Она не между тем или иным политическим курсом, не между тем, что хочет и за что голосует электорат и тем, против чего он восстает, а между экономическим коллапсом и подчинением внешнему управлению. Естественно, что правительство предпочло спасти страну от экономического краха. Иначе поступить оно просто не могло. Ему было уже не до полученных им мандата, наказов, поддержки и всего остального. В итоге правительство и парламент, как миленькие, стали выполнять предписания, получаемые от международных кредиторов. Народу же осталось лишь молча взирать на происходящее.

Получается, констатировали лучшие представители интеллектуальной элиты отнюдь не только европейского континента, что ЕС и особенно еврозона слишком далеко эволюционировали от союза государств в направлении какого-то иного устройства общества, для которого демократия на национальном уровне не так важна. Она вообще может отмирать. Во всяком случае, в своих прежних формах. Национальные правительства, представительные и другие властные органы больше не вольны осуществлять какой бы то ни было политический курс, отличный от того, на который они подписались в рамках интеграционного объединения. Который вырабатывается в едином центре. Что бы по этому поводу ни думал вручивший им власть электорат. Как бы он ни голосовал на выборах. Референдумах. Где-то еще.

Это принципиально новая ситуация. Она очень многое меняет в нашем восприятии ЕС. И многое объясняет, как, кем и в чьих интересах делается политика в рамках этого интеграционного объединения. Утверждения же, что подобные выводы скоропалительны, ЕС всё равно, в том числе в ситуациях с «экзекуцией» Кипра или Греции, руководствуется интересами подавляющего большинства населения, по отношению к которому мнением части населения той или иной страны можно пренебречь – на характере демократии это не сказывается, как-то не убеждают.

Буквально несколько слов о правах человека и мягкой силе Евросоюза. Чтобы картина не получалась слишком уж удручающей. Мы со странами ЕС находимся в одном пространстве Европейской системы защиты прав человека. Руководствуемся одним и тем же сетом норм, закрепленных в Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека (ЕКПЧ) и Пересмотренной Европейской социальной хартии. Подчиняемся вердиктам Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Совместно следим за тем, чтобы они досконально выполнялись всеми государствами-участниками. Будь-то в плане восстановления нарушенных прав, как это вытекает из международных судебных решений. Будь то в отношении корректив, которые следует вносить в национальное законодательство и правоприменительную практику.

По поводу того, что происходит с правами человека в странах ЕС, двух мнений быть не может. Уровень защиты в целом остается очень высоким. Вместе с тем, нельзя не видеть, что в них пышным цветом расцвели ксенофобия, исламофобия, русофобия и куча других фобий. Лозунги крайне правых, делящих людей на своих и чужих, обладающих соответственно меньшим объемом прав, больше уже безоговорочно не отвергаются обществом. А ведь раньше они полностью отторгались. Часть из них даже потихоньку взяли на вооружение классические политические партии. Социально-экономические права, которыми ЕС недавно еще так гордился, сильно урезаны. Все сделано для того, чтобы они сверх меры не обременяли ни бизнес, ни современное государство. То, что делается с беженцами, хлынувшими в ЕС чуть ли

не со всего света, как обращаются с частью из них, какие изменения поспешно вносятся в национальное законодательство под прикрытием разъяснений о необходимости борьбы с терроризмом и обеспечения безопасности, вообще больше похоже на беспредел. И в юридическом плане. И с позиций гуманизма.

Все это в какой-то степени понятно и объяснимо. Иначе у ЕС бороться с последствиями ни глобального и последовавшего затем кризиса суверенной задолженности, ни миграционного кризиса не получается. Права и свободы, по которым пришелся удар, носят относительный характер и в том, что касается мигрантов, зависят от усмотрения принимающего государства. Их сохранение в прежнем виде серьезно затруднило бы выход из кризисов. Нельзя сказать, что в России как-то иначе.

Удручает другое. Наши партнеры, столь же самоуверенно, как и раньше, утверждают, что с соблюдением прав человека дела обстоят плохо только за пределами ЕС. Заниматься надо исключительно ими. Все остальные страны и народы просвещать и подтягивать до своего уровня. И далее в том же духе. Диалог в такой стилистике вести бессмысленно. Обязательными условиями диалога являются признание существующей реальности и готовность к решению общих проблем. Ключевое слово – общих. Иначе опять ничего позитивного не получится.

Настораживает и то, что за прошедшие годы ЕС так и не продвинулся с присоединением к ЕКПЧ, что он предписал себе сделать в обязательном порядке Лиссабонским договором. Несколько лет переговоров и серьезные уступки со стороны государств-членов Совета Европы (СЕ), включая Россию, не входящих в ЕС, позволили согласовать проект договора о присоединении. В соответствии с ним ЕС получал право вступать в разбирательство исков против любого из «двадцати восьми», связанных с толкованием и последствиями применения наднационального права, давать оценку предполагаемым нарушениям и предпринимать действия в их отношении до вмешательства международной юстиции.

Казалось бы, чего больше. Однако Суд ЕС своим консультативным заключением отверг даже столь выгодный Союзу вариант. На практике это означает, что, вместо открытости международной юстиции и международному сотрудничеству, ЕС прячется от международного контроля. Вместо того чтобы сообща защищать, формировать и продвигать общие ценности, отгораживается от остального мира. Даже от ближайших соседей, близких ему по духу и устремлениям, с которыми «двадцать восемь» вместе работают в СЕ. Такие вопросы, по всей видимости, нельзя оставлять без обсуждения и без последствий.

Еще одно разочарование в прежнем восприятии ЕС связано с традиционным клише, согласно которому интеграционное объединение является нормативной силой. Мирной. Гражданской. Ни в коем случае не военной. Оно сильно притягательностью, а не военным противостоянием. Оно побеждает силой своего примера, а не принуждением. Вооруженным вмешательством. Поддержкой антиправительственных сил. Поощрением той или иной стороны в гражданской войне добиваться своего любой ценой. Которая исчисляется тысячами, десятками, сотнями тысяч убитых и искалеченных. Миллионами беженцев и внутренне перемещенных лиц.

Ливия, Сирия, Украина показали, что и в этом плане ЕС очень изменился. Особенно по сравнению с теми временами, когда Россия, Германия и Франция совместно пытались предотвратить американскую интервенцию в Ирак. Эволюция ЕС в этом направлении в какой-

то степени застала российское руководство, да и все общество врасплох. Если есть хотя бы малейшая возможность развернуть тенденцию, ей обязательно нужно воспользоваться.

***

Намеренно не стали затрагивать самые острые и болезненные сюжеты, влияющие на наше восприятие Евросоюза, в связи с их политизированностью. Оставили за рамками анализа роль ЕС и его государств-членов в конфликте на Украине и вокруг нее, санкции ЕС против населения нашей страны, нашей экономики и нашего бизнеса и их легитимность, приток в Россию с Запада синтетических наркотиков и многое другое. Хотелось показать, как и внутри ЕС, и у нас изменилось отношение к образу интеграционного объединения. Всего того, что раньше с ним ассоциировалось.

Теперь и западное общество, и мы вместе с ним оцениваем его гораздо реалистичнее. Честнее. Объективнее. Договоренность оценивать его именно таким образом, а не под дудочку восточного факира, по всей видимости, первым делом должна лечь в основание начинающегося разговора между ЕС и Россией о том, как будут строиться двусторонние отношения в постсанкционный период. Тогда получится уйти от предубежденности и выйти на понимание безальтернативности принципов равноправия и сотворчества, на которых они должны базироваться. После чего можно будет перейти к обсуждению нарождающегося геополитического проекта Большой Евразии, анализу которого посвящена третья, заключительная часть рассуждений, предложенных вашему вниманию, уважаемый читатель.

© Марк ЭНТИН, главный редактор,
профессор МГИМО МИД России,
Екатерина ЭНТИНА, доцент НИУ ВШЭ

[1] Совместное заявление о расширении ЕС и отношениях Россия-ЕС (Люксембург, 27 апреля 2004 г.) - http://archive.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/19c2fdee616f12e54325688e00486a45/7ea5e46d8ea3f4e0c3256eb50045e8d8!OpenDocument

[2] См. отдельные разделы Совместного заявления - http://www.russianmission.eu/userfiles/file/joint_statement_on_eu_enlargement_and_russia_eu_relations_2004_russian.pdf

[3] Тезис об ухудшении отношений по причине вступления нашел отражение даже в учебниках. См. Учебник онлайн: 4. Взаимоотношения ЕС и России - <http://uchebnik-online.com/131/2365.html>

[4] О встрече министра иностранных дел России С.В.Лаврова с внешнеполитической «тройкой» ЕС. Сообщение для СМИ - <http://viperson.ru/articles/o-vstreche-ministra-inostrannyh-del-rossii-s-v-vneshnepoliticheskoy-troykoy-es>

[5] Дело на \$16 млрд: зачем акционерам «Альфа-Групп» LetterOne Technology - http://www.rbc.ru/technology_and_media/06/04/2015/5522bcac9a79476183292019 Все о компании см. LetterOne - www.letterone.com

- [6] LetterOne ушли по-английски - <http://www.kommersant.ru/doc/2830478>
- [7] Fridman group in talks to acquire Eon oil and gas assets - <http://www.ft.com/cms/s/0/5959785a-6c54-11e5-8171-ba1968cf791a.html#axzz43jadKn2D>
- [8] Brussels accuses Gazprom over stranglehold - <https://next.ft.com/content/dec104ce-e8d1-11-4-b7e8-00144feab7de>; Gazprom pivot to Europe does not spell end of conflict with EU - <https://next.ft.com/content/244cd572-66c7-11e5-a57f-21b88f7d973f>
- [9] Подробный анализ см. Энтин М.Л., Энтина Е.Г., Тнэлм Н.И. Россия и Европейский Союз в 2011-2014 годах: в поисках партнерских отношений - V. Том 2. - Москва: Издательство «Э», 2015, с. 98 и далее.
- [10] Комментарий. Глава Еврокомиссии в тени «Люксликс» — <http://www.dw.com/ru/%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B9-%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%B-%D0%B5%D0%B2%D1%80%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8-%D0%B2-%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%-8-%D0%BB%D1%8E%D0%BA%D1%81%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D1%81/a-18045823>
- [11] Vanessa Houlder. Leak reveals scale of corporate tax deals with Luxembourg - <http://www.ft.com/cms/s/0/93e75c1a-6545-11e4-91b1-00144feabdc0.html#axzz43psyjiKr>
- [12] Jim Brundsen, Vanessa Houlder. EU to clamp down on corporate tax avoidance schemes - <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/ac633f3a-c060-11e5-846f-79b0e3d20eaf.html#axzz43psyjiKr>
- [13] Долгая изнурительная борьба с последствиями кризиса. Франция как новый «больной человек» ЕС / Энтин М.Л., Энтина Е.Г., Тнэлм Н.И. Россия и Европейский Союз в 2011-2014 годах: в поисках партнерских отношений - V. Том 1. - Москва: Издательство «Э», 2015, с. 435-466.
- [14] Stefan Wagstyl. Germans losing patience with Angela Merkel's migrant policy - <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/ad145c96-c10c-11e5-9fdb-87b8d15baec2.html#axzz43psyjiKr>
- [15] Stefan Wagstyl, Alex Barker. Europe's migrant crisis dims once unassailable Merkel's aura - <http://www.ft.com/cms/s/0/e2a25f54-e784-11e5-ac45-5c039e797d1c.html>
- [16] Все дальше в пучину неопределенности / Энтин М.Л., Энтина Е.Г., Тнэлм Н.И. Россия и Европейский Союз в 2011-2014 годах: в поисках партнерских отношений - V. Том 2. - Москва: Издательство «Э», 2015, с. 704-745.
- [17] Мнение. Проди: ЕС пора уже прекратить демонизировать Россию! - http://so-l.ru/news/show/mnenie_prodi_evrosoyuzu_pora_prekratit_demonizir